

скую службу, казаки фактически признавали себя русскими подданными [5, с. 15]. В дореволюционные годы в казачьей среде главенствовало мнение об окончательном переходе всех казачьих общин в российское подданство уже с начала царствования Михаила Романова, которого считали «казачьим царём», ибо согласно преданиям главную роль в его избрании на престол сыграли именно казаки [6, с. 143]. В целом же взаимоотношения казаков и царской власти достаточно сложны и те, и другие использовали друг друга для достижения положительных результатов своих целей. Обе стороны стремились к консолидации совместных усилий, но при этом каждая из сторон старалась выгадать для себя лучшие условия.

1. Астапенко, Г.Д. Быт, обычаи, обряды и праздники донских казаков XVII-XX вв. / Г.Д. Астапенко. – Батайск, 2002.

2. Дубовиков, А.М. Уральское казачье войско как старинное казачество дореволюционной России / А.М. Дубовиков // Ч.2. – Тольятти: Современник, 2003. – Гл. 3.

3. Лесин, В.И. Бунтари и воины / В.И. Лесин. – Ростов-на-Дону, 1997.

4. Пушкарев, С.Г. Донское казачество и Московское государство в XVII веке / С.Г. Пушкарев // Вопросы истории. – 1994. – № 11.

5. Рябинин, А.Д. Уральское казачье войско / А.Д. Рябинин. – СПб., 1866. – Ч.1.

6. Станиславский, А.А. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории / А.А. Станиславский. – М.: Мысль, 1990.

7. Hobsbawm, E.J. Social Banditry / E.J. Hobsbawm // Rural protest: Peasant Movements and Social Change. 1974.

ДЕКАБРИСТЫ О ПЕРЕВОРОТЕ 1801 ГОДА И САКРАЛЬНОСТИ САМОДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ

Павлова Елена Валентиновна

Самарский государственный университет

Переворот 1801 года являлся предметом особого интереса декабристов.

Для декабристов фигура императора и членов царской семьи являлась священной и неприкосновенной¹. Переворот 1801 года оценивался неоднозначно, как и правление Павла I. Отдельные декабристы считали, что заговор был составлен для блага и спасения государства², другие оценивали переворот как катастрофу³. М.С. Лунин определял перевороты как средство, «противное справедливости и разуму». Н.И. Тургенев перевороты характеризовал как «чудовишные и отвратительные, нередко орошавшие кровью царский трон и породивших жестокою шутку: «Россия – это абсо-

ХІІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

лютная монархия, ограниченная удавкой»⁴. Перевороты, не представляя интересов народа, представляли как недопустимые меры в изменении политики. Учатники переворота представляли как деятели, руководствовавшиеся узкоэгоистическими побуждениями. Декабристы нередко обвиняли Александра в том, что многие из них не подверглись наказанию.

Декабристов занимала проблема участия в перевороте наследника престола. Темы этой в публичной печати касаться было нельзя, но сохранились отдельные свидетельства о постоянном обращении к ней в среде декабристов. По свидетельству А.И. Михайловского-Данилевского, на собраниях «Зеленой лампы» читались стихи против государя⁵. Стихотворения политического содержания были обнаружены при аресте В.Ф. Раевского, Д.И. Завалишина, А.П. Бяргинского, Я.М. Андреевича, И.Ф. Шимкова, Паскевича. В них «покойный государь изображен злодеем»⁶. Завалишин декламировал, что «кротость и доброта государя есть только обманчивая наружность». Власть Александра предстает в них как незаконная, «похищенная».

На следствии по делу декабристов задаваемые им вопросы позволяли «высказать все, что мог, в осуждение существовавшего порядка вещей и лиц, игравших судьбою России»⁷. Записки А.В. Поджою, посвященные допросу Бестужева П.В. Кутузовым, участником переворота 1801 года, последний характеризуется как «бывший забулдыга, а что еще ужаснее... заговорщик, успешный в убийстве (Павла) отца». Переворот здесь предстает как гнусное явление⁸. Допрашиваемые апеллировали к событиям 1801 года, когда «сам покойный государь (Александр I) знал ужасную тайну фон дер Палена и не объявил ее государю – родителю своему...»⁹. События 1801 года, по мнению декабристов, обогрели «кровию восшествие на престол. В окраины царствования Александра стали вечными терминами – не наказанность допущенного гнусного царевубийства ...со страниц неумолимой истории пятна этого рода не выводимы»¹⁰.

Некоторые из декабристов предпринимали попытки оправдать Александра I, видя в нем жертву обстоятельств, а так же указывали на связь событий 1801 года и мистических настроений общества в первой половине XIX века, которые привели к катастрофе 1825 года. «Пьяная толпа заговорщиков врывается к нему (Павлу) и отвратительно, без малейшей гражданской цели его таскает, душит, бьет... и убивает!!! Свершив одно преступление, они довершили его другим, еще ужаснейшим! Они заставили, увлекли самого сына, и этот несчастный, купив такую кровию венец, во все время своего царствования будет им томиться, гнушаться и невольню готовить исход, несчастный для себя, для нас и для самого Николая... убийцы были награждены...за ними был легкий, жалкий успех... нет, они нам не пример!»¹¹.

Что касается выступления 1825 года, то из воспоминаний декабристов следовало, что действовали они «соответствуясь с принципом законности», поскольку «Представилась законность искать что-либо в пользу Отечества ... редкий в истории случай. Россия сделалась свободна от присяги, данной самодержавию и продолжавшейся непрерывно 64 года в лице царствующих особ и их наследников...»¹². Существовало понятие легитимности власти как принципа сочетания нерушимости монархической власти с признанием исторических реалий¹³. Присяга и вопросы чести тесно увязывались с пониманием «законности» действий выступивших. Большинство членов обществ были люди, исповадавшие принцип: «Бога бойся, царя чти, честь превыше всего»¹⁴. Честь и долг – ключевые понятия, на которое было замкнуто все мироощущение дворянства¹⁵. В.И. Штейнгейль писал, что «переменить ее (присягу) почитается таким же святотатственным помышлением, как перестроить Успенский собор». Декабристы не отрицали, что были лица, говорившие о цареубийстве, но «общество отклоняло их от сего предприятия...». Цареубийственные замыслы воспринимались как «бесчестное желание», сулившее «стать в память потомства на ряду с цареубийцами»¹⁶.

Были отдельные индивиды, мысль которых шла вразрез с традиционным мировоззрением. Свидетельством тому является «Катехизис Муравьева-Апостола»¹⁷. Однако, для традиционалистского российского общества первой половины XIX века характерно понимание царя как Отца русского народа и помазанника Божьего, которое основывалось на вековой церковной традиции, согласно которой светский глава православного государства наделяется прерогативами власти священной¹⁸. Так, Н.И. Тургенев разбирая «несправедливое заявление», что Павел «якобы решил принять титул главы русской церкви всерьез», отмечал, что Российский император «обладает неограниченной властью, которая обнимает всю гражданскую и религиозную жизнь народа; он всем распоряжается, всем правит; он позволяет, запрещает, приказывает... Павел претендовал на сей поступок (служение литургии) на основании Помазанника Божия...»¹⁹. Декабристы имели четкое представление о «святости» царя, для которого «приятно жертвовать собой»²⁰.

Самодержавная идея была определяющей в мировоззрении русского человека XIX века. Действительность и пролившаяся кровь отрезвили декабристов и стали причиной полного раскаяния, через которое прошли практически все декабристы». Участники восстания писали покаянные письма Николаю I «с раскаянием покорнейших сыновей» испрашивали «Всемиловнейшего прощения у Отца Монарха»²¹. У Н.В. Басаргина находим: «Все надеялись на милость государя...».

1. Восстание декабристов. Материалы. Т. 1-20. – М.-Л.: Центархив, 1926-1986. Т. II. С.95. (Далее – ВД).

XIII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

2. Греч, Н. И. Записки о моей жизни / Н.И. Греч. – М., 1990. С. 449.
3. Тургенев, Н.И. Россия и русские / Н.И. Тургенев. – М., 2000. С. 508.
4. Там же. С. 278
5. Затерянные и утраченные произведения декабристов // Литературное наследство. Т. 59. Декабристы-литераторы. Т. 1. – М., АН СССР, 1954. С. 684
6. ВД, Т.3. – С. 340.
7. Штейнгейль, В.И. Сочинения и письма. В 2 т. Т.1. Записки и письма/ В.И. Штейнгейль. – Иркутск, Восточно-Сибирское книжное издательство, 1985. – С. 166
8. Поджио, А.В. Записки, письма / А.В. Поджио. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1989. – С. 70-71.
9. Штейнгейль, В.И. Указ. соч. – С. 169.
10. Там же.
11. Поджио, А.В. Указ. соч. – С. 112.
12. ВД, Т. 14. – С. 339.
13. Минаева, Н.В. Европейский легитимизм и эволюция политических представлений Н.М. Карамзина. // История СССР. 1982 № 5, см. также Вернадский Г. Два лика декабристов // Свободная мысль. – 1993. – № 15. – С. 15.
14. Эйдельман, Н.Я. Грань веков / Н.Я. Эйдельман. – М.: Мысль, 1982. – С. 20.
15. Давыдов, М.А. Оппозиция его величества / М.А. Давыдов. -М.: Зебра е, 2005. – С. 34
16. ВД, Т.2. – С. 287.
17. Из Всеподданнейшего доклада аудиторского департамента от 10-го июля 1826 г. // Восстание декабристов. Материалы. Т. VI. М.-Л.: Центрархив, 1929. – С. 129.
18. Худушина, И.Ф. Царь, Бог, Россия. Самосознание русского дворянства (к XVIII- первая треть XIX вв.) – М., 1995. – С. 11.
19. Тургенев, Н.И. Указ. соч. – С. 280.
20. Раевский, В.Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т.2. Материалы судебного процесса и документы о жизни и деятельности в Сибири. – Иркутск, 1983. – С. 141.
21. ВД, Т.2. – С. 316.